

Н. В. Дранникова (Архангельск)

ОБРАЗ АРХАНГЕЛОГОРОДЦА В МИКРОЭТНОНИМАХ — ПРОЗВИЩАХ

Коллективные прозвища, или микроэтнонимы, — наименования жителей какой-нибудь местности, не связанные с топонимом и дающие оценку местному сообществу. Прозвище, представляющее текстовое образование и реализованное в одном из жанров фольклора, принято называть присловьем — прозвищем¹. Коллективные прозвища рассматриваются на антропологическом материале Архангельской области, извлеченном из архива лаборатории фольклора Поморского университета, а также из различных фольклорных, лингвистических и этнологических источников². Частично в качестве сравнительного материала используются прозвища соседних областей.

Микроэтнонимы делятся на эндонимы (самоназвания) и экзонимы (прозвища, данные другими). Их генерализирующие функции — этнодифференцирующая и этноинтегрирующая. При помощи микроэтнонима выделяются различные местные сообщества: от большой общности (например, поморы — «кишкоброды», «трескоёды», «наважьи головы») до одного оконотка в крестьянской культуре (едомена — «горланы», немнюжана — «ересливы», Едома и Немнюга — оконотки д. Кевролы Пинежского района) или дома в современной городской традиции («ожмурики» — дом находится около кладбища, г. Архангельск). Прозвища отражают различные формы этнического самосознания и осознания других.

© Н. В. Дранникова, 2000

¹Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996; Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1990; Пословицы русского народа. Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993. (Живое русское слово).

²Архив лаборатории фольклора Поморского государственного университета; личный архив Н. В. Дранниковой; Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовании и этнографическом применении. СПб, 1885. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовании и этнографическом применении / Собр. на месте и сост. Г. Куликовский. СПб, 1898. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. Кн. V: В 2 вып. М., 1877—1878. Диакторский П. Прозвища жителей некоторых городов Вологодской губернии // Вологодский иллюстрированный календарь. Вологда, 1894. Журавлев А. Ф. Этнография в прозвищах // Русская речь. 1984. № 3. С. 116—123. Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии; Народные присловья и анекдоты о русских, жителях Вятской губернии. Этнографический и историко-литературный очерк // Избр. труды: Статьи по духовной культуре 1901—1913. М., 1994. С. 38—104.

Экзонимы преобладают над эндонимами. В процессе собирания материала нам встретилось лишь незначительное количество эндонимов. Объект номинации в эндонимах чаще всего приподнят над окружающей средой, ему придается более высокий статус: «короли» — жители Привокзального района, г. Архангельск, «красавцы» — жители Ярославской области. В эндонимах употребляются высокие эпитеты: «олемцы хорошие», «резчане пригожие» (Лешуконский район), «Исакове — прекрасное село» (Каргопольский район), «ракоболы смелые» (Ярославская область).

Эндонимами являются географические прозвища: Москва, Питер, Вологда (Жердь—Москва, Кильца—Вологда, Мезенский р-н) и др. Географические эндонимы могут разворачиваться в топопословицы и топопоговорки, в которых населенный пункт сравнивается с этими городами: «Шенкурск — городок Москвы уголок», «Пинега с Питером под одним литером», «Погорелец — Питеру урывок, Москвы уголок» и др.

В современной городской культуре в качестве эндонимов выступают стереотипические суждения. Когда в г. Архангельске собирались строить атомную электростанцию, в среде соломбальцев возникло выражение: «Все взорвется, а Соломбала останется».

Прозвища являются сводом местных анекдотов, пословиц, поговорок и других жанров фольклора. Этноцентризм характерен для любого местного сообщества. Этноцентризм как особенность самосознания передают прозвищные песни, частушки и частушечные спевы, которые обычно исполнялись на праздничных гуляниях, куда съезжались жители соседних деревень. Вероятно, песня складывалась в центре куста деревень, поэтому центр, в отличие от других деревень, подвергается в ней самооценке и имеет более высокий статус (например «олемцы хорошие»):

Были олемцы хороши (2), д. Олема.

Вот они хороши (2).

Резчена были пригожи (2), д. Резя.

Вот они пригожи (2).

Чулощёла — коневалы (2), д. Чулоса.

Коневалы, коневалы.

Были русамцы баxвалы (2), д. Русома.

Вот они баxвалы (Лешуконский район).

Экзонимы передают различное отношение к объекту номинации: иронию, пренебрежение, издевку, уважение, враждебность, опасение. Прозвище полифункционально. Характеризующая функция — одна из основных функций прозвищ. Микроэтнонимы имеют социальную индикативность: они показывают взаимодействие партнеров коммуникации. Ироничное отношение к объекту номинации встречается чаще среди различных форм осознания других. Его передают прозвища: «кукурузники» — жители

окрестных деревень под г. Архангельском (так как по одной из версий «когда-то растащили кукурузу с баржи», по другой — «на деревню упал самолёт-кукурузник»); «пакшаны — слепачи» — д. Пакшеньга Устьянского района («экономили свет»); «миряне» — жители г. Мирного (потому что «они со всего мира»).

Прозвище имеет негативное значение. Приезжий человек в народном сознании соотносится со сферой чужого. Приезжих на Севере не любили. «Каргополы — шипуны» (из-за особенностей произношения), «мамоны» — жители Няндомы («мамон» в «Словаре русских народных говоров»³ — брюхо, обжора). При анализе прозвищной традиции наблюдается несовпадение причин объяснения прозвища самим местным сообществом и соседними. Первым чаще всего выбирается благовидная мотивировка. По объяснению самих няндомцев, «железную дорогу до Архангельска строил Савва Мамонтов, и после окончания строительства многие рабочие остались жить в Няндоме, поэтому их прозвали мамонами».

Экзонимы передают пренебрежение: «нужда холмогорская» (побирались) «Сура-дура» (Пинежский р-н), «Дика Пёза» (Мезенский р-н) — «местность удалена, и жители отстали в культурном отношении»; издевку: «грязнули» (жители всех деревень по р. Пёзе, Мезенский район), «замараны подолы» (женщины д. Березник, Мезенский район), «ваганы косопузые» (Вольский район, «криво носили подпояску»).

Прозвищная традиция связана со сферой своего и чужого мира. Представители соседнего микроареала всегда воспринимаются как чужие и вызывают опасение. В соседних уездах с Пинегой пинежан считали колдунами и называли «икотниками», то есть колдунами, насылающими болезнь икоту (кликушество).

Чаще всего сфера «чужого» мира соотносилась с верховьями рек: жителей верховья р. Устьи называли «колдунами» (Устьянский район), р. Пинеги по всей реке — «чернолобыми», то есть «колдунами». Вероятно, это связано с тем, что в верховьях рек и по их притокам на Русском Севере дольше всего оставалось финно-угорское население. Этую мысль подтверждает коллективное наименование жителей р. Пёзы «чухарями». В настоящее время в Архангельской области зафиксировано употребление слов «чухарь», «чучка», «чукча» в качестве этнонима «чудь»⁴. В ономасиологическом сознании исполнителей жители верховий и притоков наделяются культурной и социальной отсталостью. Наблюдается социокультурная оппозиция «верхоя/«низоя»⁵ («верхота-дикота» Пинежский

³Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Т. 17. С. 35.

⁴Булатов В. Н. Русский Север. Кн. I: Заволочье (IX—XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 59.

⁵Бернштам Т. А. Локальные группы Двино-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 208—317.

район, «Не народ, а пёзена, не товар — железина» — Мезенский район). Отношение к жителям верховий двойственно: с одной стороны, они вызывают иронию, с другой — опасение.

Встречается циркуляция прозвища в одном регионе: верховья Пинеги — «чернолобые» и жители д. Кушкопалы Пинежского района — «чернолобые». Все пинежана — «икотники», и жители д. Паленги в устье Пинеги — «икотники». Это свидетельствует о том, что в ономасиологическом сознании исполнителей циркулируют устойчивые модели. Бытование таких же устойчивых моделей наблюдается в объяснении мотивировок различных прозвищ в одном ареале: «вороны» («кто-то ворону съел»), «куропти» («рядом кочевали ненцы и один из местных жителей украл у них из котла куроптия»), «совы» («сов ели» — Мезенский район). Аналогичные модели образуют мотивационные гнезда, восходящие, вероятно, к какому-то фольклорному источнику.

В прозвищах отражаются профессиональные занятия: архангелогородцы — «кровельщики», чулощёла — «коневалы», Красноборск — «кушачники» (Красноборский район); гастрономические пристрастия («борщёды» — жители р. Печоры, так как употребляют в пищу растение борщевик, «крошенина» — д. Кучкас, Пинежский район, «водохлёбы» — кенозёра, Плесецкий район — «много чая пьют»); конфессиональные черты («молоканы» — д. Нижка, Мезенский район); тип хозяйствования («заворуй» «кибасники»/«кибасы»/«кибасья» — «лампожена», Мезенский район («кибас» — поплавок у сети, занимались рыболовством), «солевары» — жители д. Нёноксы, Приморский район особенности местного быта и нравов («Сулецки-хьши» — д. Сульце, Пинежский район («хьши» — хвастливый человек), «живорезы» — д. Ямскогорская, Устьянский район («жестоко дрались»).

Безо всякой мотивировки прозвище может встречаться в рифмованном фольклорном тексте:

*Палуга зелена,
Кеслома — ворона,
Копылиха на боку,
Трубка полна табаку⁶.*

Наблюдается процесс приятия и неприятия экзонима. Экзоним может совпадать с эндонимом: «грибоеды» — коллективное наименование жителей д. Грибанихи Онежского района. Реализация прозвища произошла в пословице, которой сами себя характеризуют жители Грибанихи: «Коли в лес пошел да белых грибов не набрал, так в лесу не бывал».

⁶Личный архив Н. В. Дранниковой.

Прозвище может даваться по первопоселенцу и, видимо, в этом случае имеет в своей основе фольклорный источник/предание. На Мезени жителей Малой Слободы (части г. Мезени) называют «дергачами». «Дергач», по словарю В. И. Даля⁷ — гвоздильная выдерка, «железная полоска вилкою для выдергивания гвоздей». Дергач делался в кузнице. По преданию, первым поселенцем Малой Слободы был кузнец.

В различных микрореалах прозвищная традиция имеет большее или меньшее распространение. Мы считаем, что это связано с особенностями заселения региона. Чем раньше происходило заселение и чем большую историю имеет регион, тем сильнее развита прозвищная номинация. На Севере заселение происходило по рекам-магистралям. Онимы-прозвища сильнее выражены в низовьях р. Пинеги и Мезени и слабее — в их верховьях и по притокам (почти не фиксируются прозвища по притоку р. Мезени—Пёзе).

Благоприятные условия для появления прозвищ — совместные гуляния, съезжие праздники, торговые и промысловые, контакты (например в Поморье), высокая плотность населения в микрореале. Удаленность населенных пунктов друг от друга не способствует развитию традиции. Чаще всего жители таких населенных пунктов имели какое-то одно наименование, тогда как в ареале с высокой плотностью населения у местного сообщества фиксируется до нескольких прозвищ (деревни, расположенные по р. Мезени, имеют два-три прозвища, а деревни по отдаленной от центра р. Кулою — всего одно: Сояна—«бобыли», Домошелье—«Турция» или прозвища вообще не фиксируются: д. Совполье и Каргополье).

Существовали мужские и женские прозвища. Из прозвищ парней и девушек одного селенческого куста состояли прозвищные песни, которые исполнялись на гуляниях. Это свидетельствует об их обрядовом происхождении.

*Ерошана-то идут —
Двери ломят, скобы рвут.
Усть-мехрежена идут —
Не доходя шапки сымут.
Рипалова-то идут —
Стекла режут, рамы бьют (Холмогорский район).
(Ф.А. Ф. 32. Т. 212)*

В песнях даются сниженные образы, используется пейоративная и не-нормативная лексика:

⁷Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 429.

*Как в корыте потонули рипаловочки⁸.
Ой, калина моя, да вот калина моя.
На горке постоять да ограять-осмеять.
Усть-махреженки.
На печи-то заблудились коношаночки.
Ой, глиняны подолы ерошаночки.*

(ФА. Ф. 32. Т. 212)

Микроэтноним — стереотип и выступает как нарративное проявление. Он имеет свой сюжет и героев. Прозвище часто выступает не как законченный текст, а как его потенциальность. Этнический образ раскрывается в анекдотах, которые являются экзонимами. Наибольшей частотностью в корпусе присловий отличаются анекдоты о глупцах, простаках и дураках. (О том, как не могут сосчитаться, каждый раз пропуская себя (д. Хаврогоры); варят (кашу) толокно в проруби (Каргополь); глупец мысленно грешит с попадьей, стоя на другом берегу реки (Евсино, Каргопольский район.)

Кроме самих анекдотов, встречаются устойчивые выражения, прагматические клише, имеющие в основе сюжет анекдота. Например, пинежана «покупала по четыре денецки, продавала по два грошики. Барыша куца куцей, а денег ни копеецки» (архетипический сюжет: «Глупая женщина не умеет считать...»).

Образ архангелогородца раскрывают стереотипические суждения. Они передают такие качества характера, как сдержанность, терпеливость, выносливость. На юге говорят: «А в Архангельске по городу белые медведи ходят»; «Это северные люди — они во льдах купаются».

Сами о себе: «Почему, когда раньше по всей России проходила цепь забастовок, стачек, в Архангельске было спокойно? Люди у нас замороженные, и не такое терпели, но молчали».

Некоторые стереотипические суждения имеют в своей основе анекдотичный фольклорный источник о глупцах. О Ломоносове говорят: «Один умный человек на весь Север, да и тот пешком в Москву ушел».

⁸Куплет повторяется после каждой строки.